

10. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 8. Оп. 2. Д. 6376.
11. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 6494.
12. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 6500.
13. ЦГАСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 7892.
14. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 232.
15. ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 389. Л.4.
16. Шербина Ю. «Ощущаем и неверующим в него». Заметки о богохульстве. // Нева. СПб., 2017. №7.

Д.Ф. Графова

Казанский (Приволжский) федеральный университет

АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: БЕЗ КРЕСТЬЯН

Первое десятилетие XX века отмечено в истории России расширением, как поля политики, так и состава субъектов политического процесса, решительно вышедшего за рамки семейных склок эпохи старого порядка. Энергично разводя по периметру пространства власти, традиционно скреплявшие его институты патримониальной монархии, либеральные сообщества создавали угрозу обрушения всей имперской конструкции, принуждая правительство наполнить его новыми органическими элементами, роль которых должны были сыграть политические партии.

Модернизация архитектуры государственного строя в октябре 1905 года направила креатив общественных движений в область пропаганды и электоральной агитации, где конкурируя за благосклонность избирателей, они вынуждены были формулировать и представлять свои аграрные программы, являвшиеся – по мнению одного из наиболее авторитетных сталинских интеллектуалов, – в истории русской революции одним из стержневых вопросов, у всех сколько-нибудь серьезных политических организаций [5, с. 483–492].

Так, партия народной свободы в своей программе упирала на проведение таких реформ, как национализация большей части помещичьих земель и распределении их среди крестьян на правах пользования. В отличие от социалистов, которые не имели конкретного плана решения аграрного вопроса, они предлагали более долгий, но и более спокойный путь изменений российского общества. Довольно заманчиво для крестьянства должны были выглядеть программы октябристов и эсеров. Не брезговали политтехнологи начала века и черным пиаром. Широкое распространение получили такие приемы, как подброс противоправительственных брошюр и прокламаций на заводах [1, оп.2. д.4. л.3; оп.2. д.8. л.4], в селах [1, оп.2. д.4. л.4] и в учебных заведениях (гимназии) [1, оп.2. д.4. л.1], в которых совершивших

преступление против существующей власти людей называют героями [1, оп.2. д.4. л.1], а императора критикуют и всячески показывают безвольным, нерешительным и ведомым человеком, вместо которого государством правят чиновники, держащие народ в темноте, затрудняя его образование [1, оп.2. д.4. л.5]; распространение антиправительственных брошюр, прокламаций и газет путем отправки их по почте на любые адреса: крестьянам [1, оп.2. д.4. л.2. л.15], чиновникам [1, оп.2. д.4. л.28] и полицейским [1, оп.2. д.4. л.30]; а также распространением слухов от разных людей, которые часто рассказывали в деревнях о том, что скоро вся земля перейдет крестьянам в бесплатное пользование, и потому они напрасно платят деньги на землю [1, оп.2. д.4. л.22].

Как известно, наибольший отклик политическая пропаганда получила в среде студентов, к которым, однако, не применяли особенно жестких мер, [2, оп.2. д.5. л.2-3, л.13], а вот крестьяне, в чей адрес были направлены эти призывы, не проявили интереса к политической борьбе, нередко выдавая полиции агитационные материалы вместе с агитаторами.

Избранные в I Государственную Думу представители крестьянских обществ, получив возможность выразить свое негодование по поводу попранных прав, не умели, да и не имели особого желания, разбираться в государственной машинерии. Определяя себя, по наитию, трудовиками (группа эта была настолько разношерстной, что основным критерием принадлежности к ней была, кажется, неспособность сколь-нибудь внятно определиться с политическими предпочтениями), чье политическое кредо ограничивалось констатацией того, что мужику живется скверно, ему нужна земля и воля [3, с. 81], они, по свидетельству доброжелательного наблюдателя, пьянствовали по трактирам и скандалили [3, с. 93]. Однако дальше экспрессивных презентаций дело, как правило, не шло: во многом потому, что сама суть крестьянского вопроса для большинства оставалась непонятной, а крестьяне, избранные в состав Государственной Думы, не могли определить его содержания. В конечном итоге, так ничего и не добившись от земледельческого сословия правительство предпочло наладить диалог непосредственно с представителями уже сложившегося к тому времени политического класса.

На фоне этой фантазмагии «призываемой, приближаемой, изо всех интеллигентских сил нагнетаемой революции — симуляции революции» [2, с. 23], между тем, набирало силу рабочее движение, отвязное и агрессивное, локализованное вблизи жизненных центров империи, оно представлялось куда более эффективным инструментом в дискуссиях на политическом поле, очерченном уже строками Манифеста Семнадцатого октября. Примерно в то же время и наиболее смелые оппозиционеры переключились на работу среди пролетариев, забросив на некоторое время не оправдавшего либерально-социалистических надежд мужика. Проглядев, в конечном итоге, пугачевщину. Каковой, кажется, и не подозревал, что своими повседневными трудами должен был бросать вызов тому социально-

политическому укладу, плоть от плоти которого он всегда оставался. Впрочем, не удивительно.

Крестьянство, как основа тяглого сословия, оставалось органическим элементом «целого строя аграрных отношений» [4, с. 78], определявших исторически сложившуюся в России организацию хозяйства и экономическую действительность, относительно которой к началу Великой войны, — по признанию одного из лучших экономистов России, — все еще отсутствовали «реальные и реалистические представления» [4, с. 77]. Поэтому, принимая во внимание то обстоятельство, что объективное содержание аграрного вопроса было сформулировано, — по мнению А.В. Чаянова, — в 1913–1918 годах, логично было бы поинтересоваться источником тех аграрных программ, на важности которых настаивали большевики, а также степенью корреляции их содержания с реальными нуждами крестьянства и возможностями правительства.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.89.
2. Солженицын А. И. Красное колесо. Узел II. Октябрь шестнадцатого. М.: Время, 1984. 313 с.
3. Соловьев К. Самодержавие и Конституция. Политическая повседневность в 1906–1917 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352с.
4. Струве П. Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX в.в. [1913]/ред. М. А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2021. 368 с.
5. Шестаков А. (Никодим) Аграрные программы в истории русской революции // Большая советская энциклопедия. Т.1/ ред. О. Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1926. 562 с.

Ю.А. Зиновьева

Самарский национальный исследовательский университет

ЖЕНЩИНЫ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

К началу XX века проблема женского равноправия не была новым явлением для Российской империи. Так называемый «женский вопрос» закрепился в общественной повестке с середины XIX века и привлек внимание к положению женщин в социальном, правовом, экономическом, а с повышением революционных настроений и политическом поле. Обострение отношений между обществом и властью требовало со стороны последней решения проблемы гендерного диспаритета.

Государственная служба как одна из опций трудовой занятости стала доступна женскому населению Российской империи во второй половине